

дой женщины, к тому же весьма знатной. На выходе, который готовили Королеве-матери, когда по воле Генриха IV ее короновали, г-жа де Рамбуи была одной из трех красавиц, которым непременно надлежало присутствовать при этой церемонии.

Она всегда любила все прекрасное и собиралась изучать латынь только для того, чтобы читать Вергилия, но болезнь помешала ей. Позже она уже об этом и не помышляла и ограничилась изучением испанского языка. Это женщина, искусная в любом деле. Она сама руководила работами по перестройке дворца Рамбуи, дома своего отца.⁴ Недовольная теми чертежами, которые ей предлагались (было это во времена маршала д'Анкара, когда умели лишь располагать с одной стороны гостиную, с другой — спальню, а меж ними лестницу; к тому же площадь здания была крайне неправильной формы и довольно небольшой), она однажды вечером, после долгого раздумья, воскликнула: «Бумаги, скорей! Я придумала, каким образом сделать все так, как мне хочется». И сей же час сделала чертеж, ибо обладает врожденной способностью к черчению; стоит ей взглянуть на дом, как она сразу же рисует его план. Вот почему она столько воевала с Вуатюром из-за того, что тот неспособен был запомнить те прекрасные здания, которые ему доводилось видеть; это и послужило поводом для остроумной шутки по поводу дома Валантена⁵ в его письме к ней. Чертежу г-жи де Рамбуи последовали со всей точностью. От нее-то и научились располагать лестницы сбоку, дабы получить большую анфиладу комнат, делать потолки выше, а окна и двери высокими и широкими, располагая их одни против других. И все это действительно так. Когда Королева-мать начала строить Люксембургский дворец,⁶ она приказала зодчим осмотреть дворец Рамбуи, что явно пошло им на пользу. Маркиза первая придумала применять для отделки комнат не только красный или коричневый цвет, отсюда ее большая комната и получила название «Голубой».

Я уже упоминал, что принцесса де Конде и кардинал де Лавалетт были ее близкими друзьями. Дворец Рамбуи представлял собою излюбленное место всех их развлечений и служил местом встречи для тех, кто слыл самым изысканным при Дворе или принадлежал к самым блестящим умам своего времени. И вот, хотя кардинал де Ришелье был безмерно обязан кардиналу де Лавалетту, ему хотелось, однако, знать о всех его помыслах, — так же, впрочем, как и о помыслах любого другого. Однажды, в то время как г-н де Рамбуи находился в Испании, он направил к г-же де Рамбуи отца Жозефа, который как бы невароком повел разговор об этой испанской миссии и сказал, что, поскольку ее супругу поручены весьма важные переговоры, кардинал де Ришелье мог бы воспользоваться сим обстоятельством и оказать ему какую-либо важную услугу; но что для этого надобно известное содействие с ее стороны — и, в частности, Его Высокопреосвященству угодно просить ее о небольшом одолжении: первый министр, мол, не может не быть крайне осторож-